

forms of parts-of-speech transposition in the German language. Investigation of mechanisms of creation and usage of substantivized Participles enables to reveal ways and means of replenishment of the German vocabulary by syncretic lexical units.

Purpose: The purpose of the analysis is to study the categorical status of the substantivized modern German Participle with special emphasis on the description of its prepositional and verbal qualities.

Results: The corpus of substantivized Participles of the modern German language is formed as the corpus of lexical and grammatical language units, specialized in some anthroponominations revealed in transferring and fixing of a certain quality of a person on its name through giving nominative grammatical categories of gender, number, case and definiteness / indefiniteness. As a result the categorical meaning of «quality» (adjective) becomes the categorical meaning of «thingness», «substantiality» (noun) which is not neutralized but merges into single lexico-grammatical hybrid. Such diffusion foresees the third semantic component of meaning – «action»: the substantivized Participle can be characterized in categories of tense (modern / past), voice (active / passive), aspect (duration / completeness), transitivity / intransitivity. The Participle can also inherit such semantic features of the verb as performance, causality, intensity, diminutiveness, etc. In such a way the substantivized Participle becomes a syncretic lexical-grammatical class of words characterized by a set of grammatical categories summarily greater than in any other of three parts of speech involved in its creation with the expectedly less set of the subdued to this category grammemes: reduction of the gender paradigm (substantivized Participles of neutral gender are not productive), restriction in the creation of the degrees of comparison, absence of the meaning of future, etc. Thus the substantivized Participle of the German language becomes a striking example of ‘objectification of nonobjective’

Discussion: The substantivized Participle is an integral part of speech of the German language. Being a unit of grammatically flexible range, the substantivized Participle allows to expand nominative features of the language at the expense of detailing and shading of specific features, characteristics and qualities of nominative units used for designation of a human being and his / her products of activity. This in turn allows to enlarge the vocabulary of the language. Quite possible that the substantivized Participle is one of the phenomenon that keeps the German language within the framework of the analytical-synthetic type.

Keywords: substantivized Participle, syncretism, lexical semantic group, grammatical category, antroponomination, transposition.

Vitae

Anatoliy Prykhodko is a Doctor of Philology, Professor, The Head of the Department of Theory and Practice of Translation at Zaporozhye National Technical University, Ukraine. His areas of research interests include functional linguistics, cognitive linguistics, comparative linguistics, categorical linguistics, concept linguistics and discourse linguistics.

Correspondence: aprykhod777@gmail.com

Наталія Самсоненко

УДК 811.161.1

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ПАДЕЖА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XIX–XXI ВЕКОВ

У статті розглядається явище згущення однотипних морфологічних форм в межах поетичного твору або його фрагмента, що призводить до формування морфологічної домінанти. Стверджується, що морфологічна домінанта відмінка є нечастотним, але яскравим засобом актуалізації поетичних смислів, утворених за рахунок актуалізації одного зі значень відмінка або за рахунок зіткнення різних значень відмінкової форми, яка повторюється.

Ключові слова: відмінок, відмінкова морфологічна домінанта, згущення морфологічної форми, морфологічна домінанта, поетичний текст.

Вопрос функционирования морфологических категорий в структуре поэтического текста не является новым в сфере филологических исследований. Данный аспект рассматривался в ряде лингвистических работ XX–XXI веков (Я. Гин, А. Жолковский, Л. Зубова, И. Ионова, И. Ковтунова, Е. Красильникова, Н. Николина, О. Ревзина, Е. Скоробогатова и др.). Однако недостаточно изученной, на наш взгляд, остается проблема отбора и функционирования однотипных морфологических форм в поэтическом произведении. Морфологические средства выразительности, наряду со средствами выразительности других языковых уровней, играют важную роль в формировании смыслов поэтического текста.

Сгущение однотипных морфологических форм в том или ином текстовом пространстве приводит к формированию *морфологической доминанты*, под которой мы, вслед за Е. Скоробогатовой, понимаем «преобладающую в тексте морфологическую форму и / или созданное соположением форм грамматическое значение, которые являются частотными в данном тексте и связаны с его содержанием» (Skorobogatova, “Dominanta Chisla, Roda i Padezha...” 383). Морфологическая доминанта как явление, характерное для поэзии нового и новейшего времени, бывает разных типов. Выделяем морфологическую доминанту именных

категорій (морфологічну доміную роду, числа, падежа) і глагольних категорій (морфологічну доміную нахилу і часу) як основні морфологічні доміную морфологічних категорій центральних знаменальних частей речі російського мови. Морфологічна доміную як явлення, формуюче доповнювальний поетичний смисл, описана в роботах Е. Скоробогатової (Skorobogatova, “Grammaticheskiye Znacheniya i Poeticheskiye Smysly...” 373–391). Деякі аспекти даної проблеми изложены в роботах Н. Ткачєвої (Самсоненко) (Tkacheva, “Grammaticheskaya Dominanta v Stikhotvoreniyakh...”; Tkacheva, “Chislovaya Morfologicheskaya Dominanta...”; Samsonenko, “Morfologicheskaya Dominanta Muzhskogo Roda...”). Більш детального описання потребує морфологічна доміную падежа як явлення сгущення однотипних форм одного из шести падежів російського мови.

Целью даної статті являється спроба системного представлення доміную формою падежа як одного из видів сгущення однотипних морфологічних форм в структурі поетичного произведенія или его фрагмента.

Категорія падежа імені существительного, являясь словоизменительной граматической категорией, обозначает разные типы отношений предмета к другим предметам и / или признакам. Категория падежа охватывает не только имена существительные, но и является словоизменительной категорией «местоимения-существительного, количественного числительного и прилагательного (включая местоимения-прилагательные, порядковые числительные и полные формы причастий)» (Shvedova, “Padezh” 313). Категория падежа всех именных частей речи является «парадигмообразующей» (перевод наш – Н. С.) (SUM 268). Система шести падежных форм именных частей речи, каждая из которых «заключает в себе определенный комплекс категориальных морфологических значений» (Shvedova, “Padezh” 313), является одной из центральных грамматических категорий русского языка.

Отбор форм одного падежа и их сосредоточение в определенном стихотворном отрывке или реже – в целом поетическом произведении приводит к формированию *падежной доминанты* (Skorobogatova, “Poetychnyy Potentsial Imennyykh Nramatychnyykh Katehoriy...” 328–330), которая относится к редким видам морфологической доминанты.

Доминирование форм **именительного падежа** в определенном поетическом текстовом пространстве приводит к формированию так называемых именительных рядов (термин О. Голиковой). В работе О. Голиковой «Номинативные и инфинитивные ряды в художественном тексте» (Golikova, “Nominativnyye i Infinitivnyye Ryady...”) рассматривается выразительный потенциал номинативных рядов (рядов имен существительных в именительном падеже), под которыми автор понимает «последовательность морфологически однородных номинативов, объединенных композиционной ролью и связанных с определенным приемом построения текста» (Golikova, “Ryad Otglagol’nykh Nominativov...” 44). Автор выделяет прегнантную морфологическую единицу, «которая в наиболее свернутой, значимой и минимально необходимой структурно-грамматической форме воплощает определенное языковое значение» (Golikova, “Ryad Otglagol’nykh Nominativov...” 47). Одной из прегнантных единиц является именительный падеж в структуре номинативного ряда произведенія. Одним из условий смыслового «развертывания» прегнантных языковых форм О. Голикова называет их функционирование в структуре грамматического ряда (Golikova, “Ryad Otglagol’nykh Nominativov...” 47). Структура грамматического ряда предполагает накопление однородных грамматических единиц (в данном случае – номинативов), их постепенное «развертывание» в лирическом нарративе, что приводит к созданию определенного смыслового наслоения и экспрессивного потенциала. Именительный падеж способен к созданию определенного эстетического эффекта, в особенности если этот эффект достигается в совокупности с другими выразительными средствами.

Рассмотрим в качестве примера стихотворение А. Кабанова «И мы обращаемся к бездне...» (Kabanov), морфологическую доміную которого составляют формы именительного падежа. Из 33 представленных граммем именительного падежа 23 являются антропонимами – фамилиями известных поэтов, литературных и общественных деятелей. Антропонимы представлены в номинативных рядах, каждый из которых дает представление об определенном временном отрезке и его представителях: ...*Каневский, Ватутина, Строщев, / Остудин, Коровин, Жадан...* / Один караван стихотворцев, / *впадает в другой караван. //...Гандлевский, Цветков и Кенжеев,* / *Горалик, Давыдов, Кузьмин...*; *Емелин, Лукомников, Лесин...* Антропонимы представлены и вне номинативных рядов: *бредут Родионов и Русс; Херсонский нахмурился. Быков / походную песню завел; бредет Караулов двугорбый, / и Лосев по-прежнему – Лев.* Ряды антропонимов и парные антропонимы противопоставляются персоне автора: *и счастлив по-прежнему дикий, / читатель (Кабанов) один.* Морфологическая доміную форма именительного падежа даного стихотворения представлена и апеллятивными формами: *небо, караван, рассвет, рычание, молчанье, воздух, груз, нить, желатин.* В данном фрагменте доміную именительного падежа, представленная преобладающими антропонимными существительными, выражает смену поколений представителей искусства, культуры и литературы второй половины XX – начала XXI века, что является закономерным и неизбежным процессом развития любой эпохи.

Случаи сгущення форм **родительного падежа** зафіксовані нами в межах строф или фрагментов стихотворения, но не целого стихотворного фрагмента или поетического произведенія. Например: *Из-под острых ресниц / Глядя, будто бы клад ища – / Мимо старых гробниц / Или нового кладбища; / От срывающихся куш – / Или рвущихся в дебри те – / Мимо грязных кликуш / И холеных селебрити...* (В. Полозкова. «От богатых господ...») (Polozkova). Сгущение предложно-падежных комплексов (существительных, прилагательных и причастий) в форме родительного падежа актуализирует пространственное значение предлогов *из-под, от* и *мимо*. В данном фрагменте создается динамичная картина движения за счет

включення в стиховий ряд описання проходження в непосредственной близости от чего-то без взаимодействия с данными объектами (*Мимо старых гробниц / Или нового кладбища; Мимо грязных кликуш / И холеных селебрити*) и движения прочь от чего-то (*От срывающих куш – / Или рвущихся в дебри те*). В данном случае реализуется одно из значений родительного падежа, названное П. Дурст-Андерсеном «пространственным рефлексом», в котором наблюдается «близкая далекость (статичность)» и «удаление (динамичность)» (Durst Andersen 141). Заглавие стихотворения «От богатых господ...», в котором подается идея ухода от чего-то, бегства, дальней дороги, актуализируется повторением других падежных форм: *Мимо тех, кто умней, / Или, может быть, выше нас; Мимо тех, кто иссяк, / Или тех, кого слушаю...* И. Ковтунова отмечает, что указательное местоимение *тот* «рождает образ внутреннего пространства, которое втягивает в себя внешнее пространство, расширенное по сравнению со зрительно воспринимаемым» (Kovtunova 42). Повторяющееся указательное местоимение *те* в форме множественного числа усиливает уход от внешнего мира, актуализирует погружение во внутренний мир лирического героя.

Сплошная доминанта родительного падежа с предлогом в поэтическом тексте может быть составляющей одного из видов «актуализации служебных слов», а именно «их соположения с созвучными сочетаниями» (Minina 48):

Старая стала: происходящее все отдельнее и чужей.

*Того и гляди, начнет допиваться до искажений, до миражей,
до несвоих мужей,*

До дьявольских чертежей.

(В. Полозкова. «И если летом она казалась царевна Лыбедь...») (Polozkova)

Соположение приставки *до-* в глаголе *допиваться*, имеющей значение «довести до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» (Russkaya Grammatika 1: 358), с повторяющимися предложно-падежными формами родительного падежа (*до искажений, до миражей, / до несвоих мужей, / До дьявольских чертежей*) усиливает значения предела, до которого может прийти лирический герой. Данный пример является яркой иллюстрацией «тенденции поиска “главного” (первого) значения префикса и предлога» (Azarova 60), который и приводит к актуализации общего значения префикса и предлога.

В поэтическом тексте находим примеры доминантных форм родительного падежа, которые являются примером так называемой аттракции, описанной А. Потемной, т.е. повторения «слов под влиянием предыдущего или последующего» компонента (Potemna, “Iz Zapisok...” 3: 162): *Ухожу, благо путь мне открыт, / путь без пота, без жажды и зноя...* (Rakhlina, “Poteryavshiyesya Stikhi” 75); *А – ни сна, ни покою, ни кола, ни двора...* / *Та же – с новой клюкою – вот такая игра!* (Rakhlina, “Druguyu v Pokolen'ye” 61).

В стихотворении Е. Евтушенко «Не надо бояться густого тумана...» (Yevtushenko) повтор ключевой фразы произведения (*Не надо бояться*, находящейся в том числе и в сильной позиции – позиции инициализации, предопределяет употребление форм родительного падежа существительных и зависимых прилагательных: *Не надо бояться густого тумана, / Не надо бояться пустого кармана. / Не надо бояться ни горных потоков, / ни топей болотных, ни грязных подонков! // Не надо бояться тяжёлой задачи, / а надо бояться дешёвой удачи; лишь собственной трусости надо бояться...* Доминантная форма родительного падежа при многократном повторе глагола *бояться* актуализирует объектное значение управляемых существительных.

Случаи доминантных форм дательного падежа нами не зафиксированы, хотя мы не исключаем потенциальной возможности существования подобного текста.

Доминанта **винительного падежа** является одной из наиболее частотных среди всех падежных доминант, зафиксированных нами в русскоязычном поэтическом тексте. Ярким примером является известное стихотворение В. Высоцкого «Я не люблю», в котором повтор ключевой фразы произведения *Я не люблю* предопределяет основу грамматического рисунка произведения, состоящую из доминантных форм винительного падежа.

В стихотворении Дианы Арбениной «Плю» (Arbenina 62–64) сгущение форм винительного падежа и их количественное преобладание над другими падежными формами приводит к образованию падежной доминанты винительного падежа. Доминирование форм винительного падежа продиктовано несколькими ключевыми фразами (*я не знаю, что ты любишь; я хочу что-нибудь подарить тебе; может что-нибудь другое подарить тебе?; я просто не представляю что подарить тебе!*), переходные глаголы которых *любить* и *подарить* выводят на передний план объектное значение винительного падежа (*любишь – кого? что? подарить – кого? что?*) и предопределяют развертывание целого ряда существительных в форме винительного падежа, в которых осуществляется поиск ответа на поставленные вопросы: *цветы или книги / портвейн или театр / боно или бритни / термосы из стали / или чашки в горошек / псов-великанов или / карликового роста / молоко или брют / joint на гаити; зоопарк или джунгли / дайвинг на сто метров / или джомолунгму / буковски или кафку / помидоры или суши / <...> / ван гога или репина / магний или литий; байки или ролики / кеды или сланцы / мальчиков-чистюль / девочек-засранцев / <...> / пилюли от кашля или / в вену уколы / дергать стоп-кран; континенты и глину / <...> / абсент и малину / газеты в кафе / бортовые журналы / я знаю что ты любишь / больше папу чем маму...* Наличие других переходных глаголов с существительными в форме винительного падежа усиливает значение объектной направленности глагольных форм: *дергать стоп-кран; я подарю тебе город; и мозг изумлённо / трогал на ощупь / ответ на вопрос; в саду рвать сирень; грызть косточки сливы / рвать черные платья.*

Стихотворение построено по модели противопоставления противоположных либо контрастных понятий: эмоциональное и интеллектуальное восприятие (*цветы или книги*), дешевое удовольствие или элитарное искусство (*портвейн или театр*), рок- или поп-музыка (*боно или бритни*), практичность или домашний уют (*термосы из стали / или чашки в горошек*), большое или маленькое (*псов-великанов или / карликового роста*), сладкое или горькое (*молоко или брют*), одомашненное или дикое (*зоопарк или джунгли*), глубина или высота (*дайвинг на сто метров / или джомолунгму*), «грязный реализм» или экспрессионизм (*буковски или кафку*), простая или экзотическая еда (*помидоры или суши*), постимпрессионизм или реализм (*ван гога или репина*), один из ковких металлов серебристо-белого цвета (*магний или литий*), моторное или механическое средство передвижения (*байки или ролики*), закрытая спортивная обувь или открытая обувь для отдыха (*кеды или сланцы*), чистота или неопрятность (*мальчиков-чистюль / девочек-засранцев*), оральные лекарственные препараты или инъекционные (*пилюли от кашиля или / в вену уколы*), противодействие или движение по течению (*дергать стоп-кран / или следовать политике*).

Последняя строфа стихотворения, в отличие от предыдущих, выражает не сомнение, а уверенность: *я знаю что ты любишь*. Сочетание существительных в форме винительного падежа, которые попарно принадлежат к одной тематической группе, передают не контрастное, а присоединительное значение: *континенты и глину; абсент и малину; газеты в кафе / бортовые журналы*. Исключение составляет сочетание *больше папу чем маму*, где передается значение противопоставления за счет сравнительной конструкции *больше чем*.

Следует обратить внимание и на черту, характерную для многих современных поэтических текстов, а именно на отсутствие в данном тексте заглавных букв и знаков препинания. Это объясняется тем, что «все элементы текста равны с точки зрения смысла, а главными знаками членения и интонирования становятся пробелы и границы строк» (Fateyeva 83).

Падежную доминанту винительного падежа наблюдаем в стихотворении Ю. Олефир «Ты идешь по легкому пути...», в котором представлен внутренний диалог лирического героя (Я) с лирическим адресатом (Ты). Основой морфологического рисунка стихотворения является переходный глагол с винительным падежом. Особенностью данного произведения является то, что неспособность лирического героя воспринимать жизнь не в черно-белой палитре (*Ты идешь по легкому пути; У тебя есть только полюса, / Путь иной ты называешь ложным!*) выражается при помощи отрицательных конструкций (*не любишь, не станешь, не шепчешь, не приемлешь, не веришь*) и в непосредственном выражении самих объектов, на которых либо не направлено действие (*Ты не любишь принимать решения, / Ты не станешь сыпать конфетти; Ты не станешь делать лимонад, / Если в холодильнике лимоны; Ты не шепчешь нежные слова, / Не приемлешь праздник Валентина*), либо могло бы быть направлено действие (*Чтоб создать на праздник настроение*). При возможном выборе между формами родительного или винительного падежа при переходном глаголе с отрицанием, например, *не шепчешь нежные слова / не шепчешь нежных слов*, авторский выбор происходит в пользу винительного падежа, а не родительного, хотя данная тенденция является общеупотребительной: «Единая старая норма обязательного род. п. при глаголах с отрицанием в современном языке под влиянием разговорной речи не выдерживается: во многих случаях употребление вин. п. не только предпочитается, но и является единственно правильным» (Russkaya Grammatika 2: 415). Кроме падежной доминанты в данном поэтическом тексте прослеживается доминанта частицы *не*, подчеркивающая отрицательную семантику грамматических конструкций.

Доминанта творительного падежа как текстообразующий прием прослеживается в русскоязычной поэзии XIX века. Не менее ярко она представлена в поэтическом тексте конца XX – начала XXI веков. Сгущение разных именных словоформ в идентичной падежной форме приводит к актуализации различных значений одного падежа, в нашем случае – творительного:

*Мы wpłyваем друг другу в сны иногда – акулами,
Долгим боком, пучинным облаком, плавниками,
Донным мраком, лежащим на глубине веками,
Он таскает, как камни, мысли свои под скулами,
Перекачивает желваками...*

(В. Полозкова. «Мы wpłyваем друг другу в сны иногда – акулами...») (Polozkova)

Авторский отбор доминантной падежной формы в данном стиховом фрагменте предопределяется заданной ключевой фразой *Мы wpłyваем друг к другу в сны*, которая в последующем дает широкий диапазон значений творительного падежа и сталкивает два его основных значения – «объектное и определительное» (Shvedova, “Tvoritel’nyi Padezh” 554). Объектное значение творительного падежа выражено в сочетании *перекачивает желваками*. Определительное значение творительного падежа реализовано падежными словоформами и словосочетаниями (*мы wpłyваем друг другу в сны акулами и донным мраком*). Кроме того, творительный падеж «в условиях различных лексико-семантических ограничений – богат разными обстоятельством-определятельными значениями» (Russkaya Grammatika 1: 480). В данном отрывке наблюдаем такое «богатство» в сочетаниях: *Долгим боком, пучинным облаком, плавниками* (по способу и образу действия); *мраком, лежащим на глубине веками* (по мере времени); *Он таскает, как камни, мысли свои под скулами* (по месту).

Следующий поэтический отрывок представляет сплошную морфологическую доминанту творительного падежа, которая непосредственно связана с основной идеей обращения лирического героя к лирическому собеседнику. Глагольные формы повелительного наклонения *поговори, поделись, поумирай, повылей* обращены

с призывом к действию, направленному на лирического героя (*Поговори со мной; Ну поделись со мной; Только держись меня*), лирического адресата (*Слезы повывлей чуть*) либо совместному действию (*Поумирай со мной*). Сплошная доминанта творительного падежа представлена разными значениями: определительным (*Шалостью бризовой, / Шелестью рисовой – / Поговори со мной, / Поговори со мной, / Солнечной, лиственной / Вязью осмысленной...*), объектным (*Ну поделись со мной / Тяжкими мыслями, / Темными думами, / Мрачной кручиною*) и обстоятельственно-определяющим, определяющим по месту (*Под кипарисами – / Поумирай со мной*). Благодаря представленным основным значениями творительного падежа актуализируется то, как, при помощи чего и где осуществляются основные действия, выраженные глаголами *поговори, поделись, поумирай*. Повторяющаяся форма повелительного наклонения, которая является одним из средств «актуализации временного дейксиса» (Nikolina, “Temporal’naya Kompozitsiya Poeticheskogo Teksta” 102) и обращена ко 2-му лицу единственного числа, с доминантной падежной формой творительного падежа сменяется формами будущего времени 1-го лица (*Я тебя вылечу*), 2-го лица (*Встанешь из пламени; А коль решишь уйти, / Вот те пророчество: / Будешь искать пути, / Да не воротишься*) и безличной конструкцией (*Станет легко тебе*). Такая смена глагольных форм, так называемая «темпоральная композиция» произведения (термин Н. Николиной (Nikolina, “Temporal’naya Kompozitsiya Poeticheskogo Teksta” 101)) не случайна. По словам Н. Николиной, «будущее время ряд лингвистов вообще относит к наклонениям» (Nikolina, “kategoriya Vremeni Glagola” 179), например, Е. Курилович говорит о том, что «будущее, обозначающее возможность, вероятность, ожидание и т. п., представляет собой наклонение» (Цит. по: (Nikolina, “kategoriya Vremeni Glagola” 179)).

Стихотворение Бориса Херсонского является ярким примером морфологической доминанты творительного падежа. Морфологическая форма начальной строки «Море пахнет йодом и солью...» (Khersonskiy) повторяется в последующих строках. Основу данного стихотворения составляет описание обонятельных ощущений от пребывания в приморском городе, описание восприятия запахов: *Город пахнет распадом-разладом; Море пахнет всемирным потопом. / Город пахнет полуденным жаром*. Характеристика локализованного пространства дается сочетанием кратких страдательных причастий / глагола *становиться* в сочетании с творительным падежом: *Это место намазано мёдом. / Это место становится адом. / Это место мечено кодом. / Это место истоптано стадом*. Обонятельные ощущения перемежаются с визуальными, создавая картину индивидуального восприятия: *Лето красное кажется черным. / Небо синее кажется белым. / Город кажется огнеупорным, / но принюхаться – пахнет горелым. / А хотелось бы, чтобы попорном, / или персиком переспелым*.

Примером доминанты **предложного падежа** может послужить стихотворение Ю. Олефир «Все познается в сравнении». Функционирование данной доминанты тесно связано с актуализацией предлога *в*, который, являясь первообразным простым предлогом, сочетается с винительным и предложным падежами (Russkaya Grammatika 1: 705). В данном произведении предложно-падежные формы с предлогом *в* образуют формы как предложного (*в сравнении, в любви, в сердце, в крови, в мыслях*), так и винительного падежей (*в затмение, в себя*). Сочетание *в сравнении*, входящее в заголовочный комплекс, имеет наречное значение: *Все познается в сравнении*. Формы предложного падежа способствуют передаче эмоционально-психологического состояния лирической героини: *Боль я познала в любви. / В сердце сегодня затмение, / Ревность сегодня в крови! / В мыслях моих замыкание, / В сердце – любви передоз!* (Olefir 63). Ряд предложно-падежных форм *в любви, в сердце, в крови, в мыслях* акцентирует внимание именно на эмоциях и мыслях, переданных в стихотворении. Формы винительного падежа символизируют уход, погружение в себя: *Солнце уходит в затмение, / Чтобы чуть-чуть отдохнуть! / Шторы плотней занавесила, / Я ненадолго в себя...* (Olefir 63). Соположение словоформ двух падежей – предложного и винительного, доминантную роль в которых играет предложный падеж, с одним и тем же предлогом актуализирует разные значения, способствующие передаче основной идеи стихотворения.

Падежная доминанта в поэтическом тексте представлена в основном случаями, в которых преобладание той или иной падежной формы является не абсолютным, и допускает включение форм других падежей. В падежной доминанте на первый план выходит форма того или иного падежа, которая выражает одно или более, чем одно значение представленного падежа. В некоторых случаях создается контрастный эффект за счет столкновения разных значений одной и той же падежной формы. Доминанта именительного падежа как немаркированная форма шестичленной падежной оппозиции часто функционирует в составе именительных рядов. Сгущение форм одного из непрямых падежей в поэтическом тексте или его фрагменте приводит к актуализации падежной доминанты, которая позволяет выделить одно или более чем одно из значений данного падежа.

Перспективой исследования является изучение явления сгущения морфологических форм других грамматических категорий знаменательных частей речи.

References

Azarova, Nataliya. *Yazyk Filosofii i Yazyk Poezii – Dvizheniye Navstrechu (Grammatika, Leksika, Tekst) (The Language of Philosophy and the Language of Poetry – the Movement Towards (Grammar, Vocabulary, Text))*. Moskva: Logos / Gnozis, 2010. Print.

- Golikova, Oksana. *Nominativnyye i Infinitivnyye Ryady v Khudozhestvennom Tekste (Nominative and Infinitive Rows in the Literary Text)*. Diss. H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical U, 2011. Print.
- Golikova, Oksana. "Ryad Otlagol'nykh Nominativov kak "Diffuznaya Zona" mezhdu Nominativnym i Infinitivnym Ryadom (A Row of Verbal Nominatives as a "Diffuse Zone" between the Nominative and the Infinitive Rows)." *Russkaya Filologiya. Nauchno-Metodicheskii Zhurnal. (Russian Philology. Scientific and Methodical Journal)* 3 (47) (2012): 44–47. Print.
- Durst Andersen, Per. "Predlozhno-Padezhnaya Sistema Russkogo Yazyka. Ponyatiye "Kontakt VS. Nekontakt" (The Prepositional-Case System of the Russian Language. The Concept of "Contact VS. Non-contact")." *Logicheskii Analiz Yazyka. Yazyki Prostranstv (Logical Analysis of the Language. Languages of Spaces)*. Ed. by Nataliya Arutyunova, and Irina Levontina. Moskva: Languages of Russian culture, 2000. 135–151. Print.
- Kovtunova, Irina. *Poeticheskii Sintaksis (Poetical Syntax)*. Moskva: Nauka, 1986. Print.
- Minina, Nina. *Aktualizatsiya Chastits i Partikulyativov v Russkoy Poezii XX–XXI vekov (Actualisation of Particles and Partials in the Russian Poetry of the XX–XXI centuries)*. Diss. H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical U, 2016. Print.
- Nikolina, Nataliya. "Kategoriya Vremeni Glagola (The Category of the Verb Tense)." *Poeticheskaya Grammatika (Poetic Grammar)*. Moskva: Izdatel'skiy tsent "Azbukovnik", 2005. Vol. 1. 73–187. Print.
- Nikolina, Nataliya. "Temporal'naya Kompozitsiya Poeticheskogo Teksta (Temporal Composition of the Poetic Text)." *Poeticheskaya Grammatika (Poetic Grammar)*. Moskva: Izdatel'skiy tsent "Azbukovnik", 2013. Vol. 2. 91–121. Print.
- Potebnya, Aleksandr. *Iz Zapisok po Russkoy Grammatike (From Notes on Russian Grammar)*. Moskva: Prosveshcheniye, 1968. Vol. 3. Ob Izmenenii Znacheniya i Zamenakh Sushchestvitel'nogo (About the Change of Meaning and Substitutions of the Noun). Print.
- Russkaya Grammatika (Russian Grammar)*. Edd. by Nataliya Shvedova. Moskva: Nauka, 1980. Vol. 1. Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya (Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology). Print.
- Russkaya Grammatika (Russian Grammar)*. Edd. by Nataliya Shvedova. Moskva: Nauka, 1980. Vol. 2. Sintaksis (Syntax). Print.
- Samsonenko, Nataliya. "Morfologicheskaya Dominanta Muzhskogo Roda v Russkoy Poezii (Morphological Dominant of the Masculine in the Russian Poetry)." *Russkaya Filologiya. Vestnik Khar'kovskogo Natsional'nogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni G. S. Skovorody (Russian Philology. Bulletin of the H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University)* 4 (59) (2016): 6–31. Print.
- Skorobogatova, Yelena. *Grammaticheskiye Znacheniya i Poeticheskiye Smysly: Poeticheskii Potentsial Russkoy Grammatiki (Morfologicheskkiye Kategorii i Leksiko-Grammaticheskiye Razryady Imeni) (Grammatical Meanings and Poetical Senses: Poetical Potential of Russian Grammar (Morphological Categories and Lexico-Grammatical Classes of Noun))*. Kharkov: NTMT, 2012. Print.
- Skorobogatova, Yelena. "Dominanta Chisla, Roda i Padezha v Poeticheskom Tekste (The Dominant of Number, Gender and Case in the Poetic Text)." *Voprosy Yazyka i Literatury v Sovremennykh Issledovaniyakh: Materialy Mezhdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoy Konferentsii "Slavyanskaya Kul'tura: Istoki, Traditsii, Vzaimodeystviye. XII Kirillo-Mefodiyevskiyecheniya", 17 maya 2011, Moskva (Questions of the Language and Literature in Contemporary Studies: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction. XII Cyril and Methodius Readings", May 17, 2011, Moscow)*. Moskva; Yaroslavl': Remder, 2011. 382–388. Print.
- Skorobogatova, Olena. *Poeticheskii Potentsial Imennykh Hramatichnykh Katehoriy (Na Materiali Rosiys'koy Poezii XIX–XXI stolit') (Poetic Potential of Nominal Grammatical Categories (as a Sase of Study of Russian Poetry of the XIX–XXI centuries))*. Diss. H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical U, 2015. Print.
- Suchasna Ukrayins'ka Mova: Morfolohiya: Pidruchnyk (Modern Ukrainian Language: Morphology: Textbook)*. Edd. by Anatoliy Moysiyyenko. Kyiv: Znannya, 2013. Print.
- Tkacheva, Nataliya. "Grammaticheskaya Dominanta v Stikhotvoreniyakh Very Pavlovoy "Glaza moi..." i "Yunaya Spit tak..." (The Grammatical Dominant at the Poems by Vera Pavlova "My Eyes ..." and "A Young Sleeps as ...")." *Russkii Yazyk i Literatura v Shkole i v Vuze: Problemy Izucheniya i Prepodavaniya: [sb.nauch.tr.] (Russian Language and Literature at School and University: Problems of Study and Teaching: [collection of scientific works])*. Gorlovka: GGPIYA. (2012): 300–304. Print.
- Tkacheva, Nataliya. "Chislavaya Morfologicheskaya Dominanta v Poeticheskom Tekste (Morphological Dominant of Number in the Poetic Text)." *Russkaya Filologiya. Vestnik Khar'kovskogo Natsional'nogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni G. S. Skovorody (Russian Philology. Bulletin of the H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University)* 12 (49) (2013): 82–86. Print.
- Fateyeva, Nataliya. "Direktorii "Po", "Ot" i "Do", ili Poetical Language in Progress (Directory "Po", "From" and "Till", or Poetical Language in Progress.)." *Poetika Iskaniy, ili Poisk Poetiki: Materialy Mezhdunarodnoy Konferentsii-Festivalya "Poeticheskii Yazyk Rubezha XX–XXI vekov i Sovremennyye Literaturnyye Strategii", 16-19 maya 2003, Moskva (Poetics of Search, or the Search of Poetics: Proceedings of the International Conference-Festival "The Poetic Language of the Turn of the Twentieth and Twenty-First Centuries and Contemporary Literary Strategies", May 16–19, 2003, Moscow)*. Moskva: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAS, 2004. 79–89. Print.

Shvedova, Nataliya. "Padezh (The Case)." *Russkiy Yazyk: Entsiklopediya (The Russian Language: Encyclopedia)*. Edd.by Yuriy Karaulov. 2-nd Edition. Moskva: "Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya", Drofa, 2008. 313–315. Print.

Shvedova, Nataliya. "Tvoritel'niy Padezh (Instrumental Case)." *Russkiy Yazyk: Entsiklopediya (The Russian Language: Encyclopedia)*. Edd.by Yuriy Karaulov. 2-nd Edition. Moskva: "Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya", Drofa, 2008. 554–555. Print.

List of Sources

Arbenina, Diana. *Autodafe (Autodeafe)*. Moskva: Astrel', 2012. Print.

Yevtushenko, Yevgeniy. "Ne Nado Boyat'sya Gustogo Tumana..." ("Do not be Afraid of Thick Fog ..."). URL: <http://ev-evt.net/stihi/n/neboyatsyatuman.php>. Web. 29 July 2015.

Kabanov, Aleksey. *Stikhi 2008 Goda (Poems of the year 2008)*. URL: <http://modernpoetry.ru/main/aleksandr-kabanov-stihi-2008-goda>. Web. 14 March 2015.

Olefir, Yuliya. *Ya – Koshka. Stikhi (I am Cat. Poems)*. Donetsk: "Svit knigi", 2013. Print.

Polozkova, Vera. *Nepoemaniye (Nepoemanie)*. URL: <http://modernpoetry.ru/contemporary/vera-polozkova-nepoemanie>. Web. 14 Oct. 2016.

Rakhlina, Marina. *Drugu v Pokolen'ye (To a friend in the Generation)*. Moskva: Vest' – VIMO, 1994. Print.

Rakhlina, Marina. *Poteryavshiyesya Stikhi: Kniga Stikhov (Lost Poems: A Book of Poems)*. Khar'kov: Folio, 1996. Print.

Khersonskiy, Boris. "More Pakhnet Sol'yu i Yodom..." ("The Sea Smells of Salt and Iodine..."). URL: https://www.facebook.com/borkhers?hc_ref=ARS4MTV6I6XqAZqaxqMQpKXYMyUnpr6XgdnQOWE-sKIpzWING7h2GaouTA7uwW33Y3M&fref=nf. Web. 29 Aug. 2017.

Надійшла до редакції 12 березня 2018 року.

MORPHOLOGICAL DOMINANT OF CASE IN RUSSIAN-LANGUAGE POETIC TEXTS OF THE XIXth – XXIst CENTURIES

Nataliia Samsonenko

Slavonic Languages Department, H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Kharkiv, Ukraine

Abstract

Background: Many modern philological researches are conducted in the course of morphological categories and morphological units studying. The problem of the functioning of the same type morphological forms in the piece of poetry still remains insufficiently studied. An advanced direction of modern linguopoetics is the one that considers the phenomenon of concentration of similar morphological forms within a particular text space or its fragment and leads to the formation of the morphological dominant, by which we mean the predominant morphological form in the text and / or the grammatical meaning created by the juxtaposition of forms, which are frequent in the text and related to its content.

Purpose: The purpose of the paper is to describe the predominant case form as one of the types of the similar morphological forms concentration within the structure of the poetic text or its fragment.

Results: The concentration of the same type morphological forms within the piece of poetry is based on the author's selection, which leads to the formation of the morphological dominant of the lyrical text. The dominant of case in the poetic text can be mainly observed when the predominance of one or another case form is not absolute, and the inclusion of the forms of other cases is allowed. The dominant of nominative case is contrasted with the dominants of the indirect cases (genitive, accusative, instrumental, prepositional), since it frequently proves its expressive potential while developing in the structure of nominative case row and leads to the formation of a certain semantic layering. When it comes to the dominant of the indirect cases, the form of one or another case expressing one or more than one meanings of the case analysed can stand out. In some cases, a contrasting effect is created due to the collision of different meanings of the same case form.

Discussion: The concentration of similar forms of one of the cases in the Russian-language poetic text or its fragment leads to the formation of the dominant of case which allows to single out one or more than one of the meanings of the case analysed. This technique is one of the means of the creation of an additional expressive effect of the poem and can be classified as a conscious or subconscious method of author's selection of morphological means. The prospect of the further research implies the study of the phenomenon of concentration of the morphological forms of other morphological categories of the main parts of speech.

Key words: case, morphological dominant of case, concentration of morphological form, morphological dominant, poetic text.

Vitae:

Nataliia Samsonenko is a post-graduate student of Slavonic Languages Department of H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University (spec. 10.02.02. – the Russian language). Her areas of research interests comprise poetic grammar and linguopoetics.

E-mail (correspondence): samsonenko.nataliia@gmail.com